

IV.

Боккаччо хочетъ дать намъ генеалогію боговъ; ея планъ предусмотрѣнъ въ нѣсколькихъ строкахъ біографіи Данте: древніе чествовали въ началѣ единое божество, распавшееся впоследствии на множество боговъ, олицетворявшихъ силы природы; позже явились боги — обоготворенные люди. Наполнить этотъ планъ помогли древніе генеалогическіе перечни, которые, гдѣ можно, повѣряются по подлинникамъ; обильныя цитаты изъ самыхъ разнообразныхъ авторовъ, особенно латинскихъ поэтовъ, приводятся подъ рядъ, стихи нерѣдко цѣликомъ, но въ ихъ обоюдной оцѣнкѣ желаніе соглашенія преобладаетъ надъ элиминаціей, чуть къ различному качеству источниковъ и ихъ генеалогическимъ отношеніямъ отзывается понятной слабостью, какъ нерѣдко и пониманіе текстовъ¹⁾, описки которыхъ принимаются на вѣру²⁾ и серьезно толкуются. Намъ внушаютъ недовѣріе къ Папіѣ, ибо Боккаччо часто уличалъ его въ разногласіи съ истиной³⁾, но онъ же цитуетъ Ансельма и Гервасія, авторовъ хотя новыхъ, но серьезныхъ⁴⁾, а на вопросъ о томъ, чей сынъ былъ Латинъ, отдастъ преимущество мнѣнію Вергилія — ибо его держатся всѣ⁵⁾. Онъ готовъ согласиться съ Плиніемъ относительно реального существованія нереидъ, но смѣется надъ безмозглыми бабами и невѣжественными крестьянами, когда, не краснѣя, они рассказываютъ, что сами видѣли выходившихъ изъ источниковъ кра-

1) IV, 1: о Титанѣ, рожденномъ quinta luna съ Virg. Georg. I, 277 слѣд., гдѣ вмѣсто luna слѣдуетъ разумѣть dies.

2) Сл. Cithaeonus, сынъ Тибра VII, 51, изъ Virg. Aen. X, 198: ciet Ocnus; III, 13: Orna изъ Orphne, Ovid. Met. V, 539; сл. еще IV, 11, 21 и Cic. De Nat. Deor. III, 19, 48: patre matricida изъ patre, matre Idyia; V, 13: объ Арктеѣ съ Justin. I. XIII, с. 7; XI, 42 съ Ovid. Fast. IV, 72: stabant agricolae в. argolicae.

3) V, 20.

4) XII, 22: non tamen parvae sunt gravitatis.

5) VIII, 17: cum universalis fama Virgilio faveat; гл. VII, 51.

савиць-ламій¹⁾.—Когда источники противорѣчатъ другъ другу, онъ ограничивается ихъ сопоставленіемъ²⁾, готовъ предположить искаженіе собственныхъ именъ³⁾, выходитъ изъ противорѣчій проіеіи: Касторъ и Поллуксъ, Елена и Клитемнестра — дѣти Леды отъ Тиндара или второго Юпитера? Я полагаю, что отъ Тиндара, хотя вовсе не желаю отнять у цѣломудреннаго бога дѣтей, которыми одарила его щедрая древность⁴⁾ — а въ XI, 7 подробно сообщается мнѣ о діоскурахъ — сыновьяхъ третьяго Юпитера!—Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о герояхъ и обоготворенныхъ людяхъ, Боккаччо надѣялся найдти помощь въ хронологіи; тогда онъ наводилъ справки, преимущественно у Евсевія, и мнѣи и боги обѣщали распредѣлиться въ порядкѣ времени⁵⁾; но часто ни хронологія, ни толкованія не помогали, и Боккаччо терялся: не знаю, чему вѣрить, говорилъ онъ⁶⁾, какъ согласить разнорѣчія⁷⁾, пусть распутаютъ истину болѣе остроумные⁸⁾, читатель можетъ держаться какого хочетъ изъ двухъ мнѣній⁹⁾, ибо писанія погибли по ветхости и нерадѣнію, такъ что относительно многаго невозможно доискаться правды, данъ полнѣйшій произволь измышленіямъ, и всякій пишетъ о древности, что придетъ ему въ голову¹⁰⁾. Самъ Боккаччо справлялся въ книгѣ Гермеса Трисмегиста *de Idolo* и не нашелъ того, что вычиталъ тамъ Августинъ: очевидно, по моему неразумію, замѣчаетъ онъ скромно; я не рѣшусь обвинить Августина¹¹⁾.

Между тѣмъ какъ хронологія указывала, повидимому, на не-

1) VII, 14.

2) XII, 20 и *passim*.

3) XI, 28.

4) V, 40.

5) II, 3, 19, 62, 63; V, 3, 12, 25, 28; XI, 8, 26; XII, 25; XIII, 56 и *passim*.

6) II, 9; XIV, 8.

7) II, 55.

8) V, 41; *сл. гл.* VII, 24; XII, 3.

9) XII, 12.

10) V, 16: *vetustate et ignavia librariorum*.

11) V, 21.

совмѣстимость нѣкоторыхъ именъ, разнорѣчія одного и того-же мѣна приводилъ не къ ихъ критикѣ, а къ попыткѣ распредѣлить ихъ по времени, предположеніемъ, что могло быть нѣсколько лицъ, носившихъ одно и то-же имя. Такъ поступали уже тѣ мѣологи, о которыхъ говорить Цицеронъ ¹⁾. Такъ и у Боккаччо явились двѣ Кирки ²⁾, три Эскулапа, какъ училъ Цицеронъ ³⁾, два Сарпедона ⁴⁾, два Сизифа ⁵⁾—и далѣе, съ Цицерономъ и Лактанціемъ, хотя не всегда согласно съ ними, ряды одноименныхъ боговъ: три Юпитера, четыре Минервы, три Купидона, четыре Иракла, шесть Меркуріевъ, но одинъ Аполлонъ, хотя Цицеронъ говорилъ о четырехъ ⁶⁾.—Это углубило перспективу родословной, вышя поколѣнія которой спускаются отъ боговъ въ міръ героевъ гомеровскаго и ѳиванскаго эпосовъ, тогда какъ въ глубинѣ возсѣдаетъ, отвѣчая идеѣ Боккаччо о первоначальномъ единобожіи, таинственный Демогоргонъ, окруженный своимъ, столь-же безформеннымъ и отвлеченнымъ отродьемъ ⁷⁾. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ярко плоть одѣваются боги, тѣмъ они многочисленнѣе, пока идея единобожія снова не торжествуетъ уже на почвѣ героическаго эпоса—въ лицѣ послѣдняго Зевса. Такова въ общихъ чертахъ мѣологическая система Боккаччо.

Въ введеніи, слѣдующемъ за посвятителнымъ посланіемъ

1) De Natura Deor. III, 16—21—23.

2) IV, 14.

3) V, 19.

4) XI, 34.

5) XIII, 56.

6) V, 3. Сл. Petrarcae, De ignorantia, стр. 1047: duos Joves, unum naturalem, alterum fabulosum, ut Lactantius ait, seu potius tres Joves, ut ait Cicero, numerant hi, qui theologi nominantur; deorum inquam theologi, non unius Dei. Quantas vires habeant et quanti extimanda sunt pretii, ne nimis a proposito deerrem, apud ipsum Lactantium Firmianum, qui quaeret, inveniet Institutionum suarum libro primo, nam illud piget etiam attigisse, quod Soles quinque, totidemque Mercurios, totidemque Dionysios, totidemque Minervas, quatuor vero Vulcanos, quatuor Apollines, quatuor Veneres, tres Aesculapios, tres Cupidines, tres Dianas dicunt, sex Hercules, ut Cicero ait, aut ut Varro tres et quadraginta.

7) Сл. Cic. De Nat. Deor. III, 7: о порожденіяхъ Эреба и Ночи; 18, 24. Сл. Tuscul. disp. IV, 8, 16.

къ королю Гуго, онъ ставитъ вопросъ: кого перваго чтили язычники богомъ? Готовясь выйти въ великое море, онъ хочетъ знать, отъ какого берега отвязать ему свою ладью, дабы при благопріятномъ вѣтрѣ вѣрнѣе добраться до желанной цѣли. Люди, достойные вѣры, хотя и разныхъ религіозныхъ толковъ, согласно утверждали, что богъ одинъ, только язычники заблуждались, вмѣняя созданію свойства создателя, поэты, которыхъ Аристотель зоветъ первыми богословами, называли первыми богами то, въ чемъ они видѣли причину всѣхъ вещей, и такъ какъ мнѣнія были разные, то у разныхъ народовъ явились разные и многіе боги, при чемъ каждый народъ считалъ своего бога истиннымъ и единственнымъ, отцомъ и властителемъ всѣхъ другихъ. И вотъ Боккаччо обращается съ своимъ вопросомъ къ мудрецамъ ¹⁾: Фалесъ говоритъ, что начало всему—вода, Анаксименъ, что воздухъ, Хризиппъ — огонь, Алкмеонъ ²⁾ утверждаетъ, что солнце, луна, свѣтила и небо создатели сушаго; Макробій говорилъ объ одномъ солнцѣ, но Теодонцій, человекъ, какъ я полагаю, не новый ³⁾ и тщательный изслѣдователь подобныхъ вопросовъ ⁴⁾, указывалъ на мнѣніе древнихъ аркадцевъ, что причиною всего была земля и прирожденный ей божественный духъ, который называли Демогоргонъ, что подтверждается ссылкой на Лактанція ⁵⁾. Боккаччо разбираетъ мнѣнія философовъ и, приравнивая стихіи къ ихъ мѣтологическому выраженію, воду къ Океану, Юпитера къ огню и т. д., находитъ въ своихъ генеагогіяхъ, что всѣ они рождены отъ кого-нибудь и имъ нѣтъ мѣста въ началѣ родословной; оно остается за Демогоргономъ, ибо Боккаччо ни-

1) Сл. Cic. De Nat. Deor. I, 10 слѣд.

2) Alcinoüs въ текстѣ Генеалогій.

3) Non novus homo. Сл. выше стр. 343; или: не невѣжественный.

4) Talium investigator praecipuus.

5) Lact. Placidi glossы къ Stat. Theb. IV, 516: dicit deum Daemogorgona summum, cujus nomen scire non licet.—Infiniti autem philosophorum, magorum, Persae etiam confirmant re vera esse, praeter hos, deos incognitos, qui in templis coluntur, alium principem et maxime deum caeterorum ordinatorem, de cujus genere sint Sol atque Luna.

чего не отыскалъ у поэтовъ объ его отцѣ, но читалъ о немъ, какъ о родоначальникѣ другихъ боговъ. Логическій выводъ ясенъ, не принято лишь въ соображеніе, что у Демогоргона потому только нѣтъ восходящей генеалогіи, что самъ онъ продуктъ поздней, философской абстракціи.

И вотъ Боккаччо спускается въ нѣдра земли, гдѣ Демогоргонъ предсталъ предъ нимъ, въ туманахъ и мракѣ, страшный самымъ именемъ, окутанный бѣлесоватой, сырой плѣсенью ¹⁾, издавая острый запахъ земли ²⁾. Сознаюсь, я улыбнулся ³⁾ при видѣ того, кого древніе, по своему неразумію, считали творцомъ всего сущаго, говорить Боккаччо, ссылаясь на Теодонція и Лактанція, объясняя и имя Демогоргона: по латыни это означаетъ бога земли, ибо, по Лактанцію, демонъ—богъ, *Gorgon*—земля; или скорѣе: мудрость земли, такъ какъ демонъ часто означаетъ знающаго или мудрость; иные толкуютъ: страшный богъ. У него, по словамъ Теодонція, двѣ супруги: Вѣчность ⁴⁾ и Хаосъ ⁵⁾; его дѣти: Раздоръ ⁶⁾, Панъ ⁷⁾, Парки ⁸⁾, *Polus* ⁹⁾, *Phython* ¹⁰⁾, Земля ¹¹⁾ и Эребъ ¹²⁾. То, что сообщается объ этомъ первомъ поколѣніи боговъ, идетъ отъ Теодонція, ссылающагося на поэта Пронапида въ его *Протокосмѣ*. Оттуда взята, на примѣръ, слѣдующая басня ¹³⁾ о рожденіи Раздора: когда Демогоргонъ покаялся въ вертепѣ Вѣчности ¹⁴⁾, услышалъ движеніе въ утробѣ Хаоса,

1) *Pallore quodam muscoso et neglecta humiditate amictus.*

2) *Terrestrem, tetrum foetidumque evaporans odorem.*

3) *Risi fateor.*

4) I, 1: *Aeternitas.*

5) I, 2.

6) I, 3: *Litigium.*

7) I, 4.

8) I, 5.

9) I, 6.

10) I, 7.

11) I, 8.

12) I, 14.

13) *Fabula.*

14) I, 3: *in Aeternitatis antro.*

почему, протянувъ руку, онъ вскрылъ утробу, вырвалъ оттуда бушевавшій Раздоръ и, увидѣвъ его безобразіе, швырнулъ въ воздухъ; онъ тотчасъ-же поднялся, не будучи въ состояніи спуститься, ибо тамъ все было занято Демогоргономъ. Между тѣмъ Хаосъ продолжалъ мучаться въ родахъ, и Демогоргонъ извлекаетъ изъ него Пана и трехъ Парокъ; Пана онъ назначилъ правителемъ своего дома, сестеръ далъ ему въ услуженіе ¹⁾. Polus родился при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сидя у воды, Демогоргонъ слѣпилъ изъ глины ²⁾ небольшой шарикъ, который и назвалъ Полусъ; онъ-же, гнушаясь бездѣльемъ отцовскаго крова, поднялся въ воздухъ, и такъ какъ онъ былъ еще въ мягкомъ состояніи, такъ раздулся, что окружилъ собою все, созданное отцомъ. Но не было у него никакого убранства; и вотъ, когда однажды онъ присутствовалъ при работѣ отца, ковавшаго свѣтоносный шаръ ³⁾, онъ спряталъ за пазуху вылетавшія изъ подъ молота искры, которыми и украсилъ себя ⁴⁾. Подъ свѣтоноснымъ шаромъ разумѣется Pnython ⁵⁾, другое порожденіе Демогоргона, которому, по разсказу Пронапида, надоѣла безконечная тьма, почему, взобравшись на Акрокеравнскія горы, онъ оторвалъ отъ нихъ громадную огневую глыбу, округлилъ ее клещами, затѣмъ выковалъ на кавказскихъ вершинахъ, шесть разъ окунулъ ее въ море за островомъ Тапробане и столько-же поворачалъ въ воздухъ, дабы она не уменьшалась при дальнѣйшемъ вращеніи, не ржавѣла и могла бы двигаться быстро—и она, блестящій шаръ, тотчасъ же взлетѣвъ на воздухъ, вступила въ обитель Polus'a, наполнивъ свѣтомъ отчій домъ ⁶⁾.

Все это вовсе не напоминаетъ стиль традиціонныхъ греческихъ мифовъ и отзывается не то метафизическими, не то отреченными баснями Пронапида.

1) O Litigium сл. еще IV, 54.

2) Ex exili limo.

3) Солнце: lucis globum.

4) I, 6.

5) Вѣроятно, вмѣсто Phaethon.

6) I, 7.

Изъ дѣтей Демогоргона только у двухъ есть потомство: у Земли ¹⁾ и Эреба ²⁾; послѣдній породилъ (по Цицерону) цѣлую массу отвлеченныхъ существъ, ~~никогда~~ не роившихся въ мнѣнческой фантазіи народа: Любовь, Грацію, Трудъ, Зависть, Страхъ, Обманъ, Бѣдность и Голодъ, Старость, Сонъ и Смерть; Харона и День. Всѣ они бесплодны; только у Ээира ³⁾ есть дѣти — и изъ абстракцій первой книги мы вступаемъ наконецъ въ реальную генеалогію боговъ.

У Ээира два сына: первый Юпитеръ и Coelius (то-есть, Уранъ). Вторая книга занята родословіемъ перваго Юпитера; у него дѣти: Минерва ⁴⁾, Sol ⁵⁾, Діана ⁶⁾, Меркурій ⁷⁾, Геркулесъ ⁸⁾, Прозерпина ⁹⁾, Либеръ ¹⁰⁾ — всѣ съ обозначеніемъ «первыхъ», въ отличіе отъ позднѣйшихъ одноименныхъ; наконецъ, Эпафъ ¹¹⁾. Генеалогія Либера перваго, его сына Меркурія второго ¹²⁾ и внука Купидона ¹³⁾ доводитъ насъ до Улисса ¹⁴⁾; отъ Эпафа и его внуковъ Эгиста ¹⁵⁾ и Агенора ¹⁶⁾ рядомъ поколѣній мы доходимъ съ одной стороны до Деифилы ¹⁷⁾ и Аргіи ¹⁸⁾, съ другою до Лавдакидовъ и Полиникова сына Терсандра ¹⁹⁾.

Родословіе Целія-Урана, втораго сына Ээира, занимаетъ

-
- 1) I, 9—13; между прочимъ, Ночь, Тартаръ, Гама.
 - 2) I, 14—34; II, 1.
 - 3) II, 1: Aether.
 - 4) II, 3.
 - 5) II, 5.
 - 6) II, 6.
 - 7) II, 7.
 - 8) II, 9.
 - 9) II, 10.
 - 10) II, 11.
 - 11) II, 19.
 - 12) II, 12.
 - 13) II, 13.
 - 14) II, 11—17.
 - 15) II, 27.
 - 16) II, 44.
 - 17) II, 42.
 - 18) II, 43.
 - 19) II, 75.

III-ю книгу; изъ числа его дѣтей выдѣляются: первая Опсъ ¹⁾, Фетида великая ²⁾, первая Церера ³⁾, первый Вулканъ ⁴⁾, Меркурій ⁵⁾, Венера великая ⁶⁾, Венера вторая ⁷⁾; Титанъ ⁸⁾, Юпитеръ второй ⁹⁾, Океанъ ¹⁰⁾ и Сатурнъ ¹¹⁾. Рассмотрѣны лишь порожденія первой Цереры ¹²⁾, перваго Вулкана ¹³⁾, Меркурія и второй Венеры ¹⁴⁾.

Четыре сына Целія-Урана съ ихъ поколѣніями выдѣлены въ особыя книги: Титанъ въ IV-ю, Юпитеръ второй въ V-ю и VI-ю, Океанъ въ VII-ю, Сатурнъ въ VIII-ю.

Въ многочисленномъ родѣ Титана ¹⁵⁾, стоитъ особо поколѣніе Гиперіона ¹⁶⁾, Япета ¹⁷⁾, Атланта съ сыновьями Эпиметеемъ, Прометеемъ и др. ¹⁸⁾; Астрея ¹⁹⁾; у Паллене, дочери Титана, дочь Минерва ²⁰⁾.

Въ V-й книгѣ рассмотрѣна лишь часть родословной Юпитера второго: первая Діана ²¹⁾, второй Аполлонъ съ его потомствомъ ²²⁾,

1) III, 2.

2) III, 3.

3) III, 4.

4) III, 18.

5) III, 20; сл. II, 7, 12.

6) III, 22.

7) III, 23.

8) IV, 1.

9) V, 1.

10) VII, 1.

11) VIII, 1.

12) III, 4: у нея отъ сына Ахеронта внуки: Фуріи III, 6—9, Викторія — Побѣда, съ сыномъ Нопог и внучкой *Majestas* III, 10—12, и Стиксъ съ атродьемъ адскихъ рѣкъ III, 14—17.

13) III, 19: у него сынь Аполлонъ первый.

14) III, 24: съ сыномъ Купидономъ; сл. II, 13.

15) IV, 1.

16) IV, 2—15.

17) IV, 28—30.

18) IV, 31—51.

19) IV, 52—61.

20) IV, 64.

21) V, 2.

22) V, 3—23.

Вакхъ ¹⁾, Лакедемонъ, родъ котораго доведенъ до Пенелопы ²⁾, Геркулесъ и его порождение ³⁾, Минерва, названная второю ⁴⁾, хотя двѣ уже встрѣчались ⁵⁾. — VI-я книга продолжаетъ родъ Юпитера второго въ области героической легенды: отъ его сына Дардана ⁶⁾ къ Иліону ⁷⁾ и его брату Ассараку ⁸⁾; родъ перваго доведенъ до Пріама и его сыновей ⁹⁾, родъ второго ¹⁰⁾ останавливается у преддверія римской исторіи съ Амуліемъ, Нумиторомъ и Иліей.

Въ родословной Океана, наполняющей VII-ю книгу, мы встрѣчаемъ Нерея съ дочерьми-нимфами ¹¹⁾ и цѣлый рядъ мнѳологическихъ рѣкъ: Ахелой ¹²⁾, Инахъ ¹³⁾, Пеней ¹⁴⁾, Тибръ ¹⁵⁾ и др.; особенно Нилъ ¹⁶⁾, среди дѣтей котораго мы снова видимъ дублиеты знакомыхъ именъ: Минерву ¹⁷⁾, Геркулеса ¹⁸⁾, Меркурія ¹⁹⁾ и его одноименнаго сына ²⁰⁾, Вулкана ²¹⁾, у котораго сынъ Sol ²²⁾, тогда какъ другой Sol названъ сыномъ самого Океана ²³⁾.

1) V, 25.

2) V, 36—44.

3) V, 46—51.

4) V, 48.

5) II, 3; IV, 64.

6) VI, 1.

7) VI, 5.

8) VI, 49.

9) VI, 14—48.

10) VI, 49—73.

11) VII, 18—18, между прочимъ Фетидой VII, 16.

12) VII, 19—20: съ дочерьми сиренами.

13) VII, 21.

14) VII, 27.

15) VII, 50.

16) VII, 30.

17) VII, 31; сл. II, 3; V, 48.

18) VII, 32; сл. II, 9; V, 46.

19) VII, 34.

20) VII, 36; сл. II, 7, 12; III, 20.

21) VII, 38; сл. III, 18.

22) VII, 40.

23) VII, 65; сл. II, 5; IV, 3.

Сатурнъ является въ VIII-й книгѣ съ дѣтьми: Вестой¹⁾, Церерой²⁾, Плутономъ³⁾, Пикомъ и его родословной до Латина, Лавини и Пренеста⁴⁾.

Юнонѣ, Нептуну и третьему Юпитеру, также дѣтямъ Сатурна, отведены послѣднія книги Генеалогій: они родоначальники послѣдняго поколѣнія боговъ.

Юпона⁵⁾ родила безъ участія мужа Гебу⁶⁾ и Марса⁷⁾; изъ его потомства отмѣтимъ Купидона⁸⁾, Партаона, генеалогія котораго нисходятъ до Диомеда⁹⁾, Флегія¹⁰⁾ съ сыномъ Иксиономъ и пошедшими отъ него кентаврами¹¹⁾, наконецъ, Рема и Ромула¹²⁾.

X-я книга занята мелкимъ отродьемъ Нептуна. Съ XI-й начинается потомство Юпитера третьяго, и Боккаччо ставитъ общій вопросъ, какимъ образомъ отъ явленія многобожія снова перешли къ понятію если не единого бога, то отца боговъ. Юпитеръ царилъ въ началѣ или въ пору разцвѣта героическаго поколѣнія и языческихъ поэтовъ-богослововъ. Онъ возвышался надъ другими людьми, самъ искалъ божескихъ почестей; его имя — Юпитеръ — издавно было славно, присвоено истинному богу¹³⁾; наконецъ онъ и жилъ на Олимпѣ, а этимъ именемъ мы обозначаемъ небо. Все это повело къ тому, что его не только называли отцемъ и властителемъ боговъ, не только перенесли на него, что рассказывалось о двухъ первыхъ Зевсахъ, но, что гораздо хуже, многое, касающееся истиннаго Бога, и наоборотъ,

1) VIII, 3; сл. III, 2: Веста, сестра и супруга Сатурна.

2) VIII, 4; сл. III, 4.

3) VIII, 6: дочь Veneratio с. 7.

4) VIII, 10—19.

5) IX, 1.

6) IX, 2.

7) IX, 8.

8) IX, 4; сл. II, 13; III, 24.

9) IX, 11—22.

10) IX, 25.

11) IX, 27—32.

12) IX, 40—1.

13) Vero deo attributum.

истинному богу вмѣнили принадлежащее Юпитеру: его прелюбодѣянiя, измѣны и войны. Я знаю, что именитые мужи¹⁾ разумѣли въ такихъ мифахъ не бога, а естественные акты природы, его созданiя, но чтобы божественное могущество выражалось соблазнительными баснями—этого я не одобряю. Что же касается множества боговъ, то разумные люди видѣли въ нихъ лишь выраженiя различныхъ свойствъ одного и того же истиннаго божества, дѣйствующаго какъ-бы черезъ своихъ слугъ, какъ-то разъясняетъ Апулей²⁾, какъ и мы говоримъ о служителяхъ господняго правосудiя (демонахъ), милосердiя (ангелахъ) и тѣхъ, во власти которыхъ находится судьба и питанiе челоуѣка³⁾.

Потомство Юпитера третьяго раздѣлилось неравномѣрно. Въ XI-й книгѣ встрѣчаемъ въ числѣ его дѣтей: Музъ⁴⁾, Венеру⁵⁾ съ сыномъ Амуромъ⁶⁾, Прозерпину⁷⁾, Кастора и Поллукса⁸⁾, Елену и Клитемнестру⁹⁾, Луцифера¹⁰⁾, Орiона¹¹⁾, Миноса¹²⁾, Сарпедона¹³⁾, Радаманта¹⁴⁾.—Въ XII-ю книгу отнесены другiе его сыновья: Танталъ съ его родомъ до Ореста¹⁵⁾, Дiонисъ¹⁶⁾; затѣмъ: Персей, Аонъ, Эакъ, Пилумнъ, Меркурiй¹⁷⁾ и Вулканъ¹⁸⁾, каждый съ своимъ потомствомъ. — Иракломъ и

1) *Illustres viri.*

2) *De dogmate Platonis.*

3) XI, 1: *alios opportunitatum et victus, ut supercoelestia corpora.*

4) XI, 2.

5) XI, 4; сл. III, 22, 23.

6) XI, 5; сл. I, 15.

7) XI, 6; сл. II, 10.

8) XI, 7.

9) XI, 8—9.

10) XI, 15.

11) XI, 19.

12) XI, 26.

13) XI, 34.

14) XI, 36.

15) XII, 1—23.

16) XII, 24.

17) XII, 62; сл. II, 7, 12; III, 20; VII, 34, 36. — У него сынъ Панъ XII, 69, сл. I, 4.

18) XII, 70; сл. III, 18; VII, 38.

Эоломъ и ихъ родами наполнена XIII-я книга и кончается потомство третьяго Зевса. Я могъ-бы присоединить къ нему и еще двухъ предполагаемыхъ сыновъ Зевса, говоритъ Боккаччьо въ послѣдней (71-й) главѣ: Александра Македонскаго и Сципіона Африканскаго, но такъ какъ въ ихъ время уже вышелъ изъ употребленія неразумный обычай — величать именитыхъ людей, возводя ихъ къ отродью боговъ, и настали вѣка, когда слава добывалась доблестью, мнѣ казалось, что было бы смѣшно прославить ихъ такимъ образомъ. Къ тому же честолюбивые вымыслы, придуманные или только молчаливо допущенные, не легко возбуждаютъ довѣріе ¹⁾). Александръ попустилъ рассказывать, что Зевсъ, подъ видомъ змѣи, смѣшался съ его матерью: молвой объ ея цѣломудріи онъ пожертвовалъ изъ желанія прослыть сыномъ бога; что за пустое, презрѣнное стремленіе къ славѣ! Вотъ почему мы устранимъ его по праву, дабы онъ не пользовался плодами обмана, когда могъ вызвать хвалы своею доблестью ²⁾). И о Сципіонѣ рассказывали въ народѣ, что онъ сынъ Зевса, но, какъ человекъ мудрый, онъ никогда не утверждалъ этого, хотя и не отрицалъ; и такъ какъ, казалось, онъ самъ молчаливо устранилъ отъ себя эту пустую честь, умолчу о ней и я, положивъ конецъ отродью Зевса, а вмѣстѣ и этой книжицѣ.

Пересказывая фактическое содержаніе Генеалогій боговъ, я имѣлъ главнымъ образомъ ввиду выяснить распорядокъ ихъ матеріала; самъ по себѣ онъ указываетъ на приемы автора, на преобладаніе компилятивно-собирательнаго элемента надъ критцизмомъ — при желаніи критики. Мы особенно подчеркивали серіи одноименныхъ боговъ, по которымъ располагаются ихъ главные роды, и на повтореніе однихъ и тѣхъ же именъ въ разныхъ генеалогіяхъ. Боккаччьо видимо старается разобраться во множествѣ созвучныхъ именъ и образовъ, распредѣляетъ между ними символическіе атрибуты и успокоивается на этомъ, нерѣдко

1) Non satis juste conceditur.

2) Qui virtute poterat laudari.

субъективномъ распредѣленіи. У Цицерона и Теодонція онъ прочелъ о Купидонѣ, сынѣ Меркурія и первой Діаны; это былъ, вѣроятно, красивый юноша, оттого на него и перенесли имя Купидона, сына Венеры, и изображали крылатымъ, потому что онъ былъ быстръ на бѣгу ¹⁾). Поищемъ настоящаго Купидона: такъ звался сынъ второй Венеры, рожденный ею безъ мужа, какъ утверждаетъ поэтъ Симонидъ по свидѣтельству Сервія, «но такъ какъ о немъ придется рассказать многое въ другомъ мѣстѣ, я ограничусь здѣсь его упоминаніемъ» ²⁾); о немъ подробно говорится въ IX, 4,—но какъ о сынѣ Венеры и Марса.—Или обратимся ко многимъ Меркуріямъ Генеалогій: первый—сынъ перваго Юпитера и нимфы Сілене, какъ училъ Леонтій; его характеристика и символика у латинскихъ поэтовъ приводитъ къ заключенію, что имѣется ввиду планета Меркурій съ ея астрологическими свойствами. Шляпа Меркурія указываетъ, на примѣръ, на планету, почти всегда скрывающуюся въ лучахъ солнца, на настроеніе человѣка, подверженнаго вліянію свѣтила: онъ хитро скрываетъ свои замыслы. Меркурій своимъ кадуцеемъ выводитъ души изъ Орка: планета вліяетъ на зародышъ въ утробѣ матери, именно на шестомъ мѣсяцѣ, когда въ зародышъ вселяется разумная душа; богъ какъ бы выводитъ ее изъ Орка. Меркурій владѣетъ вѣтрами; холодная планета нерѣдко вызываетъ ихъ и т. д. При этомъ не обращено вниманіе на то, что въ цитатѣ Горация Меркурій названъ внукомъ Атланта; черта, не отвѣчающая его родословной у Боккаччо, но авторъ могъ бы отвѣтить намъ, что это перенесено на его Меркурія такъ же, какъ его смѣшеніе съ другими соименниками повело къ признанію его богомъ краснорѣчія, купцовъ и воровъ ³⁾).—Второй Меркурій (по Теодонцію и Корвилію)—сынъ Либера и Прозерпины; по Леонтію, къ мнѣнію котораго Боккаччо склоняется, онъ прозванъ Стильбономъ за

1) II, 18.

2) III, 24.

3) II, 7.

свою быстроту; человекъ красивый, краснорѣчивый, замѣчательно способный на всѣ ручныя подѣлки ¹⁾); онъ и есть патронъ воровъ. Имя бога на него перенесено, какъ и атрибуты другихъ Меркуріевъ ²⁾).—Отъ Целія родился третій Меркурій, Гермесъ по Варлааму, которому слѣдуетъ здѣсь Боккаччо ³⁾): въ Египтѣ онъ научился ариѳметикѣ, геометріи и астрологіи, но его специальность медицина. И его также прозвали Меркуріемъ и совершилось то же перенесеніе символовъ, но съ другимъ толкованіемъ, наивнымъ въ своей произвольности. Мы помнимъ, какое значеніе давалось шляпѣ, кадуцею, вѣтрамъ при Меркуріи—планетѣ; тѣ же атрибуты выражаютъ теперь иное содержаніе: шляпа — это покрывающее насъ небо съ его свѣтилами, вліяющими на здоровье больного, указывающими и на цѣлебныя средства; именно небо особенно подобаешь наблюдать и знать врачу; кадуцей—это жезлъ, символъ его знанія, авторитетъ, переданный ему изобрѣтателемъ медицины, Аполлономъ; вѣтры — это ложныя представленія больного, которыя врачъ устраняетъ своими доводами, либо вѣтры, отъ которыхъ онъ его освобождаетъ. — Гермесъ Трисмегистъ (сынъ Нила) и его сынъ были мудрые, ученые люди, на которыхъ также перевели имя божества: это четвертый и пятый Меркурій ⁴⁾). На послѣдняго перешли и знакомые намъ символы, но у него есть и своя специальность: Теодонцій говоритъ о немъ, что онъ удалился изъ Египта на крайній западъ, гдѣ научилъ жителей многому, касающемуся торговли, мѣръ и вѣсовъ, почему его почитали богомъ купцовъ; его атрибутъ, пѣтухъ ⁵⁾), обозначаетъ ихъ ночную бдительность, ибо въ это время они выучаютъ товары, сводятъ счеты ⁶⁾ и путешествуютъ; его не даромъ про-

1) *Manualia opera.*

2) II, 12.

3) III, 20.

4) VII, 84, 36.

5) VII, 36: *gallus illius apponitur cingulo.*

6) *In componendis mercimoniis et in revidendis rationibus.*

звали Трифономъ, то-есть, на всѣ руки ¹⁾, ибо таковъ норовъ купцовъ, что они прилаживаются къ обычаямъ всякаго народа, дѣла свои устраиваютъ ловко, хитро заплетая рѣчи ²⁾.

Остается еще шестой Меркурій, сынъ (третьяго) Юпитера и Майи: Меркурій вульгаты ³⁾. Теодонцій считаетъ именно его богомъ краснорѣчія, по какой причинѣ, не знаю, говорятъ Боккаччо, но полагаю, что какой-нибудь изъ Меркуріевъ почитался таковымъ, ибо по мнѣнію математиковъ (то-есть, астрологовъ) всѣ звучащія органы нашего тѣла находятся подъ вліяніемъ планеты Меркурій. Оттого онъ и явился богомъ краснорѣчія и вѣстникомъ боговъ — и Боккаччо принимается толковать съ этой точки зрѣнія ту самую символику, которую онъ дважды объяснялъ при Меркуріѣ — планетѣ и Меркуріѣ — богѣ врачества: шляпа — это прочный покровъ краснорѣчія противъ молніеносныхъ ударовъ зависти; кадуцей, которымъ выводятся души изъ Орка — это сила краснорѣчія, многихъ вырывавшая изъ пасти смерти; кто извлекъ изъ Орка Милона, Помпилія Лената, если не слово Цицерона? Меркурій возбуждаетъ вѣтры, краснорѣчіе — страстные движенія, какъ, на примѣръ, рѣчь Куріона къ Цезарю подъ Римни и т. д.

Содержаніе символа предполагается такимъ образомъ видоизмѣняющимся, двоящимся, троящимся при одномъ и томъ же образѣ — и эта точка зрѣнія можетъ быть защищена принципами новѣйшей мѣологической экзегезы, потому что по мѣрѣ того, какъ развивается внутреннее содержаніе божества, и его атрибутамъ начинаютъ придавать не тотъ смыслъ, какой они имѣли ранѣе. Но чтобы заключить такимъ образомъ, необходимо, чтобы матеріалъ символики былъ разобранъ критически, распределенъ по времени и качествамъ источника. Этого Боккаччо не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и его взгляды на тожде-

1) *Conversibilem.*

2) *Quadam astuta sermonis circumvolutione.*

3) XII, 62.

ство мѣа и поэзіи покоились, какъ мы видѣли, на гипотезѣ личнаго вымысла, а это уравнивало въ его глазахъ права древняго мѣаческаго атрибута и, на примѣръ, описанія Вѣчности у какаго нибудь Клавдіана ¹⁾. Такимъ образомъ его анализъ содержательнаго развитія символа вызванъ не органическимъ его пониманіемъ, а необходимостью привести его въ соотвѣтствіе съ однимъ изъ усвоенныхъ имъ взглядовъ на значеніе языческихъ боговъ. Они могли быть выраженіемъ какаго-низудь физическаго закона, созданія, принятаго за создателя, но могли быть и просто именитыми людьми, героями, изобрѣтателями, возведенными въ боги. Боккаччѣо колебался и приравнивалъ символъ къ той или другой возможности: Аполлону врачу приписана, на примѣръ, лира, потому что какъ согласіе струнъ производитъ мелодію, такъ правильное біеніе пульсовъ — здоровье. Но Аполлонъ, можетъ быть, и солнце, въ такомъ случаѣ лира имѣетъ отношеніе къ мелодическому вращенію небесныхъ сферъ и т. п. ²⁾.

Толкованіе символовъ приготоовило насъ къ толкованію мѣоовъ вообще, то-есть, къ той части Генеалогій, которой Боккаччѣо давалъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ накопленію и распредѣленію фактическаго матеріала. Онъ такъ же тщательно собиралъ и отмѣчалъ старыя и новыя объясненія мѣоовъ, отъ Лактанція и Фульгенція до Паоло изъ Перуджіи и Леонтія Пилата— и самъ пускался въ экзегезу. Причудливыя фантазіи Фульгенція нерѣдко ставили и его въ тупикъ: Фульгенцій говоритъ не кстати ³⁾, по своему обыкновенію усматриваетъ всюду превысшренній смыслъ, котораго не имѣли въ виду создатели мѣа ⁴⁾— но иныя объясненія самого Боккаччѣо могли бы вызвать ту же оцѣнку. Онъ отмѣчаетъ себѣ ⁵⁾ разумное мнѣвіе Августина, что

1) I, 1.

2) V, 3.

3) IV, 24: *minime opportunam verborum effundens copiam.*

4) IV, 30: *Fulgentius autem more suo ex abisso conatur in aethera educere intellectum;* сд. XI, 7 и XIII, 58.

5) IV, 68.

не во всякомъ разсказанномъ событіи слѣдуетъ искать смыслъ, иное прибавлено просто для разсказа, какъ и въ музыкальныхъ инструментахъ лишь струны отвѣчаютъ цѣлямъ пѣнія, не тѣ части, къ которымъ онѣ прилажены. Но именно Боккаччо стремится объяснить по возможности все; это та же склонность къ микроскопической обстоятельности, къ выписыванію мелочей, которую мы наблюдаемъ въ стилистѣ Декамерона.

Его взгляды на значеніе мѣа не отличаются отъ тѣхъ, на которыхъ онъ воспитался чтеніемъ другихъ толкователей. Въ Генеалогіяхъ ¹⁾ онъ говоритъ, слѣдуя Варрону, о трехъ видахъ богословія: общественномъ ²⁾, миѣическомъ и физическомъ: это дѣленіе стойковъ. Подъ общественной теологіей онъ разумѣлъ область культа, подъ миѣической (или мистической) баснословные разсказы поэтовъ о богахъ, разсказы, скрывавшіе подъ личиной мѣа дѣйствительныя историческія отношенія. Это область евгемеризма, къ которой стойки относились отрицательно; ихъ толкованія касались физической теологіи, раскрывавшей въ мѣѣ выраженія природныхъ явленій и разумнаго міроваго устройства. Если въ *De Claris Mulieribus* Боккаччо стоялъ на сторонѣ евгемеризма, то въ Генеалогіяхъ Боговъ онъ является поочередно сторонникомъ то исторической, то физической экзегезы; раціоналистомъ, иногда очень забавнымъ. Дочери Прета, красавицы, осмѣлились возгордиться предъ Юноной, и богиня наказала ихъ тѣмъ, что онѣ вообразили себя коровами; Мелампъ испѣляетъ ихъ, очистивъ въ источникѣ, вода котораго дѣлала человѣка трезвымъ ³⁾. Онѣ, стало быть, были просто охочи до вина и, однажды охмѣлѣвъ, стали возноситься надъ отцемъ; гнѣвъ Юноны — это его гнѣвъ ⁴⁾. Пигмаліонъ извѣялъ изъ слоновой кости образъ красавицы, которую, по его просьбѣ, Венера ожи-

1) XV, 8.

2) *Civilis seu politica.*

3) *Abstemiis.*

4) II, 30.

вила; полагаю, говоритъ Боккаччо, что Пигмаліонъ подозрительно относился къ цѣломудрію взрослыхъ дѣвушекъ, почему и выбралъ себѣ дѣвочку ¹⁾, бѣлую и нѣжную, какъ слоновая кость, ее онъ и воспиталъ согласно съ своимъ нравомъ ²⁾. По приказанію Юпитера Меркурій сгоняетъ стадо къ берегу, гдѣ обыкновенно рѣзвилась съ подругами Европа, которую Юпитеръ и похищаетъ, принявъ образъ быка. Меркурій—это какой-нибудь ловкій сводникъ, выманившій красными словами дѣвушку изъ города на берегъ, либо купецъ, увлекшій ее на корабль обѣщаніемъ показать ей драгоценныя вещи; что до Юпитера, обратившагося въ быка, то изображеніемъ бѣлаго быка украшенъ былъ его корабль, про то знаютъ и подоумныя старухи ³⁾. Семела — беременная женщина, убитая молніей ⁴⁾; Лаомедонтъ не вернулъ денегъ, взятыхъ имъ займообразно на построеніе стѣнъ и назначенныхъ на требы Нептуну и Аполлону, а такъ какъ затѣмъ случились наводненіе и моръ, которые насылаются этими богами, то и стали рассказывать, что они сами работали надъ возведеніемъ стѣнъ и, обсчитанные Лаомедонтомъ, наказали его такимъ образомъ ⁵⁾.

Въ другихъ случаяхъ натуръ-философскому объясненію отдается предпочтеніе передъ историческимъ раціонализмомъ. Мы уже знаемъ, что подъ Меркуріемъ первымъ разумѣется планета, то-же толкованіе допускается и для Амура ⁶⁾, и для Оріона ⁷⁾. Въ мифѣ о Тифеѣ, на котораго Зевсъ обрушилъ Сицилію, раскрываются причины землетрясеній ⁸⁾; пень Мелеагра объясняется,

1) Virgunculam.

2) II, 49.

3) II, 62: jam apud deliras aniculas vulgatum est; сл. De Clar. Mul. с. 9 и выше стр. 220—1.

4) II, 64.

5) VI, 6.

6) XI, 5.

7) XI, 19.

8) IV, 22.

какъ жизненная влага ¹⁾); мальчикъ Гіацинтъ, любимый Аполлономъ-солнцемъ, убитый Бореемъ — цвѣтокъ этого имени ²⁾). Въ мифѣ объ Іо объясненіе выходитъ изъ области физическаго процесса къ правоученію: Зевсъ-солнце возлюбилъ дочь рѣки Инаха, то-есть, жизненную влагу человѣческаго сѣмени; дабы воздѣйствовать на нее, онъ окружилъ ее мракомъ, чтобъ отвести глаза Юнонѣ и, когда та разсѣяла его, обратилъ Іо въ корову: мракъ — утроба матери, откуда Юнона, помощница при родахъ, выводитъ на свѣтъ ея плодъ. Далѣе Боккаччо допускаетъ поддержку: Аргусъ, приставленный къ Іо, не къ ея сыну, толкуется какъ многоочитый разумъ, данный въ охрану новорожденному и усыпляемый Меркуріемъ, то-есть, лукавыми побужденіями плоти и т. д. ³⁾).

Нерѣдко мифъ объясняется чисто внѣшней аллегоріей, игрой словъ, совпаденіемъ. О Гіадахъ, дочеряхъ Атланта, говорили, что онѣ перенесены въ созвѣздіе Тельца; сколько звѣздъ въ его головѣ, столько было и Гіадъ; перенесеніе представленія и имени совершилось случайно, въ шутку ⁴⁾). Такъ появленіе птицъ у костра Мемнона подало поводъ къ разсказу о его обращеніи въ птицу ⁵⁾, и сходно толкуется превращеніе Левкоtei ⁶⁾). Сатурна, явившагося въ Италіи, назвали сыномъ неба, потому что о людяхъ замѣчательныхъ или внезапно явившихся мы часто говоримъ, что они съ неба упали ⁷⁾). Горгоны, всѣхъ привлекавшія своей красотой, названы дочерьми Форка и морскаго чудовища (по Теодонцію), ибо о морскомъ чудовищѣ, именно китѣ ⁸⁾, разсказываютъ люди, изслѣдовавшіе природу животныхъ, что когда

1) IX, 15, 19: согласно съ Паоло изъ Перуджіи.

2) IV, 58.

3) VII, 22.

4) IV, 33.

5) VI, 11.

6) XII, 38.

7) VIII, 1.

8) Balena.

онъ разѣваетъ пасть, все наполняется благовои́емъ, на которое идутъ рыбы, а онъ ихъ пожираетъ, пока не насытится ¹⁾. Любовники Цирцеи ²⁾ добивались ея расположенія дарами, а чтобы добыть ихъ, принуждены были пускаться на разныя грязныя дѣла; таково значеніе звѣриныхъ образовъ, въ которыя будто бы зачаровала ихъ Цирцея ³⁾; но и теперь еще у ея горы жители слышатъ ревъ дикихъ звѣрей ⁴⁾.

Можно было-бы попытаться выдѣлить изъ числа толкованій особую группу, которая должна была отвѣтить вкусамъ Боккаччью: нравственно-аллегорическую; хотя точное выдѣленіе невозможно. Толкуя, напри́мѣръ ⁵⁾, объ Эребѣ, который отождествляется съ Тартаромъ, адомъ и т. д., Боккаччью говоритъ объ обычномъ представленіи мѣста мученій въ нѣдрахъ земли — но предполагаетъ, что мнѣніе древнихъ мудрецовъ было иное: что тѣ страшные образы, которые Виргилій помѣщаетъ въ преддверіи своего Эреба, не что иное, какъ внѣшнія причины, вызывающія душевныя страданія человѣка, или внутреннія причины, выражающіяся во внѣшнихъ образахъ ⁶⁾. Въ легендѣ о Пазифаѣ она сама — душа, управляемая разумомъ (Минось), но совращенная вожделѣніемъ (Венерой) къ мірскимъ соблазнамъ (быкъ), которые доводятъ до скотскаго порока (Минотавръ) ⁷⁾; Энцеладъ, ворочающійся подъ бременемъ Этны — образъ надменнаго, яростнаго человѣка ⁸⁾; Гарпій — заботы и безпокойства, гложущія скупцовъ ⁹⁾; Эхо — слава ¹⁰⁾ и т. д.

1) X, 10.

2) Она — *meretrix famosa*.

3) IV, 14.

4) Сл. Virg. Aen. VII, 10 слѣд. и толкованіе бл. Августина, на которое намекаетъ и Петрарка, It. Syr. у Лумброго, I. с. стр. 33, и выше стр. 221, 226 и прим. 5.

5) I, 14.

6) Сл. у третьяго ватиканскаго миеографа = Альберика отдѣлъ о Плутовѣ, Bode, *Scriptores regum mythicarum* I, стр. 176, § 5, стр. 187, § 22.

7) IV, 10.

8) IV, 25.

9) IV, 59.

10) VII, 59.

Боккаччо зачастую не ограничивается однимъ какимъ-нибудь толкованіемъ мѣта, а предлагаетъ ихъ нѣсколько, на выборъ, какъ, напримѣръ, и Альберикъ; это то-же колебаніе и изобиліованіе, какъ при символикѣ, ибо и мѣта можетъ имѣть то или другое значеніе. Для Боккаччо эта многозначительность аллегоріи — принципъ, о которомъ онъ предупреждаетъ съ самаго начала, который разъясняетъ примѣромъ Персея, убивающаго Горгону и побѣдоносно улетающаго. Этотъ рассказъ можетъ имѣть дословный, историческій смыслъ ¹⁾, но и нравственный ²⁾: побѣда разумнаго мужа надъ порокомъ и обращеніе къ добродѣтели; либо аллегорическій: презрѣніе къ мірскимъ соблазнамъ и пареніе къ небу; наконецъ анагогическій: побѣда Христа надъ княземъ міра сего и его вознесеніе ³⁾. — Такія параллельныя толкованія проходятъ черезъ всю книгу. Семела, напримѣръ, означаетъ, какъ мы видѣли, беременную женщину—или и виноградную лозу ⁴⁾. Различные образы, принимаемые Протеемъ, либо человѣческія страсти, которыя символически ими выражаются ⁵⁾, либо измѣнчивое, въ своей образности, журчаніе водъ ⁶⁾, ибо волхваніе гидромантіей совершалось при ихъ теченіи ⁷⁾. Цирцея запретила Улиссу касаться стада, которое пасутъ въ Сициліи нимфы Фазтуза и Лампетія, дочери Солнца и Нерея (Неэры), но товарищи Улисса посягнули на него по уговорамъ Эврилоха, за что и были наказаны. Солнце и Нерея, т. е. жаръ и влага, производятъ лѣса и пастбища, подающія стадамъ тѣнь и питаніе; въ этомъ смыслѣ нимфы и названы блюстительницами стада, то-есть питающими растительную и чувственную душу; но разумная душа должна умѣренно пользоваться этой пищей, не поддаваться

1) *Historialis.*

2) *Moralis.*

3) I, 8.

4) V, 25.

5) *Rei similitudinem gerentes.*

6) *Quae sui cursus murmure plurimas imitantur formas.*

7) VII, 9.

соблазнамъ чувственности (Эврилоху), иначе она подлежитъ смерти. Но можно объяснить этотъ мифъ и такъ, что когда неблагоприятная погода задержала Улисса въ Сициліи, его товарищи такъ предались явствамъ и питію и женщинамъ, что, выйдя снова въ море, пренебрегли необходимыми мѣрами и погибли. Такъ и войновъ Аннибала изнѣжила и погубила капуанская нѣга ¹⁾).

Такимъ образомъ мифы оказывались поочередно отраженіемъ историческаго прошлаго, нравоучительнымъ апологомъ, откровеніемъ естественныхъ законовъ. Ихъ содержаніе серьезнѣе, чѣмъ можно было-бы судить по ихъ часто соблазнительной оболочкѣ; говоря, по поводу Стикса ²⁾, о двухъ родахъ скорби ³⁾, Боккаччо выдѣляетъ ту, которая бываетъ вызвана внутреннимъ сознаниемъ нашей несправедности: это сознание и питаетъ ту добродѣтель, которая побудила язычниковъ обращаться къ своимъ богамъ, христіанамъ указываетъ путь къ вѣчному блаженству ⁴⁾. Язычники могли заблуждаться, но ихъ побужденіемъ была добродѣтель. Логически это воззрѣніе не имѣетъ ничего общаго съ средневѣковымъ взглядомъ на языческія божества, какъ на дѣйствительныя демоническія силы; этотъ взглядъ мы встрѣчаемъ отчасти въ эпизодахъ Дантовскаго ада; Петрарка и Боккаччо освободились отъ него на высотѣ поэтическаго синкретизма, безмятежно орудовавшего именами и легендами классическихъ боговъ для выраженія христіанскихъ сущностей; въ Генеалогіяхъ мы встрѣчаемъ его снова, онъ вторгается со стороны, непослѣдовательно, внѣ всякой связи съ общей системой толкованія. Только что объясненъ былъ физическимъ явленіемъ мифъ о рожденіи Аполлона и Діаны, и тутъ-же говорится, что неизвѣстно

1) IV, 6. См. еще IX, 37, XI, 19, 22 и *passim*.

2) III, 14; см. Com. II, 76 и Pietro Alighieri къ Inf. VII.

3) *Tristitia*.

4) *Nam ex minus bene commissis dolere et tristari nil aliud est, quam alimenta praebere virtuti per quam in deitates suas gentiles ruere, et nos christiani in beatitudinem imus aeternam.*

по какимъ чарамъ ¹⁾ демонъ долгое время пророчилъ на Делосѣ подь именемъ Аполлона ²⁾; въ слѣдующей главѣ ³⁾ онъ уже названъ діаволомъ ⁴⁾; Эскулапъ привезенъ въ Римъ въ образѣ змѣи, по дѣйствию діавола ⁵⁾; некромантія и узнаваніе будущаго дѣла нечистыхъ духовъ ⁶⁾; Боккаччо дивится на развалины храма Самосской Юноны: сколько труда и ума положено было здѣсь — чтобы послужить діаволу! ⁷⁾.

Отъ «добродѣтели», побуждавшей язычниковъ создавать себѣ боговъ—въ смутномъ чаяніи истиннаго бога, отъ боговъ, какъ выраженія одной и той же божественной сущности, до вѣры въ реальныхъ, враждебныхъ демоновъ существуетъ несомнѣнно логическій скачекъ, который Боккаччо едва-ли сознавалъ: «добродѣтель» подсказана была ему его любовью къ классикамъ, смутнымъ пониманіемъ эволюціи религіозной мысли, демонизмъ упрочившимся взглядомъ, боязливымъ оберегомъ своей католической репутаціи. Желаніе спасти любимую поэзію отъ напрасныхъ нареканій находило здѣсь свои границы: недаромъ онъ глумится надъ языческими божествами, постоянно напоминаетъ намъ, что онъ человѣкъ вѣрующій, читаетъ въ XV книгѣ ⁸⁾ символъ вѣры, и его введенія въ отдѣльныя книги Генеалогій кончаются молитвеннымъ обращеніемъ къ тріединому Богу ⁹⁾. Въ его защитѣ поэзіи отъ укоровъ христіанскихъ блюстителей чувствуется порой какъ-бы суевѣрный страхъ: что если это такъ!

1) *Nescio cujus maleficio.*

2) IV, 20.

3) IV, 21.

4) Сл. еще введеніе въ V-ю книгу.

5) V, 19; сл. VI, 6.

6) VI, 53; сл. XI, 40.

7) IX, введеніе.

8) Гл. 9.

9) Сл. введеніе въ кн. II—XV.